

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12)

EDN [ZKOZZX](https://www.edn.ru/ZKOZZX)

Научная статья

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ

Кузнецов Н. Г.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов, Н. Г. Образовательная политика России и Китая в контексте формирования русскоязычной диаспоры // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 196–214. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12). EDN [ZKOZZX](https://www.edn.ru/ZKOZZX).

Аннотация. Студенческая миграция является важным элементом, оказывающим благоприятное влияние на развитие национальных систем высшего образования, а для многих государств, среди которых и Российская Федерация, становится вспомогательным инструментом для решения некоторых социально-экономических или демографических проблем. Россия и Китай придерживаются политики, направленной на привлечение образовательных мигрантов, входя в число ведущих стран мира по количеству учащихся из-за рубежа. Масштаб китайской системы высшего образования, географическая, экономическая и политическая близость РФ и КНР, а также растущая роль экономики Китая в мире и потребности в специалистах, владеющих китайским языком и знакомых с профессиональными требованиями страны, обуславливают рост числа учащихся там, включая и российских студентов. В статье проанализированы подходы России и КНР к управлению потоками образовательной миграции, дана оценка эффективности национальных политик в этой сфере, равно как и соответствия реальной ситуации планам развития систем высшего образования, выделены схожие элементы в подходах двух стран и их положении среди экспортеров высшего образования, сформулированы рекомендации для РФ, касающиеся закрепления выпускников в стране. Кроме того, в статье уделено внимание сравнительно новому аспекту в двусторонних отношениях России и Китая, связанному с формированием русскоязычной диаспоры, состоящей из российской молодежи, обучающейся в китайских учебных заведениях.

Ключевые слова: образовательная миграция, иностранные студенты, Китай, Россия, интернационализация высшего образования, академическая мобильность, диаспора, русскоязычное население

Введение

Образовательная политика в современных государствах рассматривается как один из ключевых инструментов формирования человеческого капитала, драйвер социально-экономического развития и инструмент укрепления международных позиций страны. Россия и Китай придерживаются преимущественно стратегии привлечения иностранных студентов, вместе с тем выездной образовательной миграции в России на государственном уровне уделяется не так много внимания [1]. Однако глубокие экономические и политические связи между двумя странами, географическая близость и заинтересованность в дальнейшем развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия¹, определяют

¹ О российско-китайских отношениях стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/ (дата обращения: 15.10.2025).

взаимный интерес студентов из РФ и КНР в получении высшего образования в китайских и российских вузах соответственно.

Актуальность исследования образовательной миграции между двумя странами обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, русскоязычная диаспора выступает значимым ресурсом гуманитарного присутствия России за рубежом, каналом распространения русского языка и культуры. Во-вторых, Китайская Народная Республика за последние десятилетия стала одним из ведущих партнеров Российской Федерации в образовательной сфере, а китайское направление – одним из ключевых в структуре российской образовательной миграции и академических обменов. По состоянию на 2024/2025 учебный год в России учились около 56 тыс. китайских студентов, а в КНР – около 21 тыс. граждан РФ², при этом суммарный показатель планируется увеличить к 2030 г. до 100 тыс. человек. Дополнительную значимость исследуемой тематике добавляет тот факт, что при сравнительно жесткой миграционной политике, проводимой КНР, численность русскоязычного населения в этой стране сравнительно невелика на фоне всего населения – лишь около 16 тыс. человек идентифицируют себя как русские согласно переписи населения 2020 г., а экспертная оценка составляет 40–50 тыс. русского населения [2]. Таким образом, студенты из России составляют заметную группу в русскоязычном сообществе, проживающем на территории Китая, что определяет интерес к изучению процесса образовательной миграции между странами.

В условиях роста транснациональной мобильности населения особую роль приобретает взаимосвязь образовательной стратегии государства с процессами образования диаспор и методов взаимодействия с ними. В этом контексте Россия и Китай демонстрируют пример взаимодействия двух национальных систем образования, тесно сопряженных с задачами продвижения языка, культуры и формированием устойчивых сообществ соотечественников и выпускников за рубежом.

Целью настоящего исследования является анализ и сопоставление образовательной политики РФ и КНР в контексте формирования и развития русскоязычной диаспоры. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) уточнить теоретико-понятийный аппарат, используемый в рамках исследования (в первую очередь, в отношении понятия «образовательная миграция» и в отношении «русской/русскоязычной» диаспоры); 2) проанализировать нормативно-правовые основания образовательной политики Российской Федерации и Китайской Народной Республики применительно к обучению иностранных граждан и продвижению языка; 3) исследовать количественные и качественные параметры образовательной миграции и академических обменов между Россией и Китаем с точки зрения их вклада в формирование русскоязычных сообществ; 4) выявить ключевые тенденции, факторы и ограничения, определяющие роль образовательной политики в воспроизводстве и трансформации русскоязычной диаспоры в Китае; 5) сформулировать практические рекомендации по оптимизации образовательной политики России и по развитию российско-китайского сотрудничества.

² Фальков: к 2030 году обмен студентами между РФ и КНР достигнет 100 тыс. человек // ТАСС : [сайт]. 26.08.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24874495> (дата обращения: 15.10.2025).

Ориентированность российского образования на прием иностранных студентов находит свое отражение в научной литературе, изучающей данную тематику. Значительный массив исследований посвящен образовательной миграции и экспорту российского образования. В них рассматриваются динамика и география притока иностранных студентов в российские вузы, институциональные механизмы интернационализации высшего образования, специфика адаптации образовательных мигрантов, роль российских университетов в продвижении русского языка и формировании сообществ иностранных выпускников. Часть работ связана с анализом гуманитарного и языкового присутствия России за рубежом, включая деятельность Россотрудничества, российских центров науки и культуры, зарубежных культурно-образовательных организаций и сети русских школ и классов.

Наиболее цитируемые статьи из базы РИНЦ рассматривают в первую очередь вопросы экспорта высшего образования и влияние данного фактора на социально-экономическое развитие страны. К ним относятся работы С. В. Рязанцева с соавторами [3; 4; 5], Т. К. Ростовской с соавторами [6]. В ряде публикаций поднимаются вопросы возвратной миграции молодежи, получающей образование за рубежом [7; 8]. Некоторые исследования призваны изучить национальные модели привлечения студентов для использования наиболее успешных из них в российской практике [1; 9]. Вклад в изучение китайской образовательной политики вносят отечественные исследователи, специализирующиеся на этом регионе [10], а также ученые и аспиранты из КНР, публикующиеся в российских журналах [11; 12]. Отдельные статьи посвящены непосредственно мотивам и факторам, обуславливающим привлекательность Китая для российских студентов [13], однако образовательный аспект в формировании русскоязычных диаспор в КНР в научной литературе практически не затронут.

Что касается китайских исследований и работ о КНР, то в них обстоятельно описаны реформы высшего образования, политика интернационализации университетов, создание совместных образовательных программ и кампусов, развитие сети институтов и классов, направленных на продвижение национального языка и культуры [14].

В целом быстрое развитие Китая как относительно новой точки притяжения для студентов со всего мира вызывает интерес к научному осмыслению этого процесса. В масштабных исследованиях миграции китайскими учеными выделяются отдельные крупные направления [15], другие работы помещают вопросы международной студенческой мобильности в Китай в контекст масштабной инициативы «Пояс и путь», проводимой КНР [16], но в силу масштаба миграций внутри страны и ориентира в первую очередь на внутренний рынок даже в специфической теме мобильности студентов в Китае основными направлениями изучения являются межрегиональная миграция и ее последствия для развития провинций (например, [17]). Вопросам пребывания российских студентов в КНР китайские авторы уделяют внимание либо в контексте перечисления стран происхождения мигрантов, либо при исследованиях российско-китайского образовательного сотрудничества студентами и аспирантами, обучающимися в отечественных вузах, т. е. предмет в данном случае определяется скорее не актуальностью проблемы, а доступностью информации для конкретного автора (например, [18]).

Теоретические подходы, методы и ограничения

Анализ стратегий привлечения образовательных мигрантов в России и в Китае опирается на подход, сочетающий положения теории человеческого капитала (ключевые положения изложены в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Э. Денисона), концепции «экономики знаний» (основные авторы – Ф. Махлуп, П. Друкер) и присутствующее в ней понятие «диаспоры знаний», моделей международных миграций, опирающихся на притягивающие и выталкивающие факторы (автор теории – Э. Ли). Такой взгляд на образовательную миграцию позволяет воспринимать ее не только как механизм индивидуальных инвестиций в образование (т. е. с точки зрения теории принятия решений отдельным индивидом), но и как инструмент целенаправленного формирования человеческого и социального капитала, встроенного в национальные экономические стратегии.

Теория человеческого капитала трактует миграцию в образовательных целях как инвестиционную стратегию, при которой индивид (и/или стимулирующее государство) несет издержки в расчете на будущие доходы в форме повышения заработной платы и роста производительности труда [19]. С этой точки зрения действия РФ и КНР по привлечению иностранных студентов могут быть рассмотрены как форма целевой «закупки» человеческого капитала, нацеленной на частичное компенсирование внутренних структурных дефицитов и расширение национальных инновационных систем.

Концепция «экономики знаний» дополняет такую точку зрения, т. к. квалифицирует образовательных мигрантов как носителей знаний, навыков и компетенций, которые стимулируют инновационное развитие, а университеты выступают ключевыми узлами производства знания. Программы привлечения иностранных студентов здесь становятся элементом стратегии включения в глобальные цепочки увеличения добавленной стоимости. Для Китая данная перспектива релевантна в связи с его политикой переориентации экономики от экспортной модели к инновационной [12]. В России также неоднократно декларировались задачи опережающего развития, в связи с чем развитие научно-образовательного потенциала как за счет привлечения талантливых иностранных студентов, так и включения российских учащихся в международные цепочки знаний могут выступать значимым драйвером позитивных изменений.

Наконец, исследование образовательных мигрантов из России в КНР позволяет отойти от концепции «утечки мозгов» в сторону понимания образовательной миграции как разнонаправленного и зачастую возвратного процесса. В итоге мы приходим к уже привычной для наиболее развитых стран мира концепции «циркуляции мозгов», которая определяет академическую мобильность как игру с ненулевой (положительной) суммой, поскольку она стимулирует трансграничное распространение знаний и навыков.

Таким образом, теоретические подходы к анализу образовательной миграции и ее вклада в национальные экономики Российской Федерации и Китайской Народной Республики совпадают в понимании того, что образовательные мигранты – не только объекты образовательной политики, но и самостоятельный стратегический ресурс развития.

В настоящей работе использованы статистические данные, полученные из национальных статистических ведомств и профильных министерств России и Китая, международная статистика образовательной миграции ЮНЕСКО; проведен институциональный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих управление образовательной миграцией в обеих странах. Также в ходе экспедиции в Китай (июнь 2024 г., гг. Пекин, Харбин, Хэйхэ), сфокусированной на изучении русскоязычных сообществ, были проведены встречи с экспертами (представителями организаций российских соотечественников, русскоязычного бизнеса в КНР, студентами из РФ и сотрудниками китайских образовательных учреждений, участвующих в приеме образовательных мигрантов из РФ), в ходе которых были получены количественные оценки и характеристики процессов миграции между странами, которые используются в нашей работе. Всего в ходе экспедиции были проведены 12 полуструктурированных интервью с экспертами (по 2 – в гг. Хэйхэ и Благовещенск (сотрудники университетов, вовлеченные в работу с образовательными мигрантами), по 4 – в гг. Харбин и Пекин), отбор проводился методом «снежного кома».

Подходы к определению «образовательной миграции» и «русскоязычной диаспоры»

При изучении образовательной миграции исследователь неизбежно сталкивается с рядом ограничений, связанных с трактовкой самого понятия, а кроме того, с необходимостью интерпретировать статистические данные, отличающиеся значительной неполнотой. Традиционно под образовательной или учебной миграцией подразумевается любая миграция, целью которой является получение образования любого уровня или повышение квалификации. Однако в случае изучения образовательной политики в контексте формирования русскоязычной диаспоры следует в первую очередь говорить о миграции студентов и аспирантов.

Пребывание российских учащихся на программах высшего образования или PhD носит, как правило, сравнительно долгосрочный (более года) характер, мотивационно ассоциируется с перспективой трудоустройства в Китае или в секторе, связанном с китайской экономикой, подразумевает прохождение как минимум первичных этапов адаптации и изучения языка. Следовательно, можно говорить о том, что миграция студентов, хотя и подразумевает возвратный характер, оказывает заметное влияние на русскоязычное сообщество, проживающее в Китае.

В то же время, например, набирающая в России популярность тенденция направления школьников, изучающих китайский язык, на краткосрочные (от 1–2 недель до 1–2 месяцев) языковые курсы в Китай носит скорее характер «продвинутого» туризма. И хотя по формальным критериям они могут попасть в категорию образовательных мигрантов, их пребывание в КНР едва ли оказывает заметное влияние на проживающую там русскоязычную диаспору, а создание за счет этого дополнительных рабочих мест с необходимостью знания русского языка не отличается по своей сути от влияния туристической отрасли и должно рассматриваться в данном контексте вместе с развитием туризма.

Мало того, чаще всего в статистике национальные ведомства и международные организации оперируют именно числом студентов, обучающихся по программам

высшего образования (или следующих за ним ступеней). Таким образом, как доступная информация, так и смысловое содержание указывают на то, что в контексте настоящего исследования под образовательным мигрантом следует понимать в первую очередь студентов и аспирантов.

Говоря о «русской» диаспоре, большинство ученых делает оговорки, связанные со сложностями определения самого понятия. С одной стороны, часть граждан РФ, проживающих за рубежом, не являются этническими русскими, но сохраняют ключевую характеристику, присущую диаспоре – связь со страной происхождения, т. е. с Россией. С другой стороны, эмигранты из СССР, а также часть выходцев из постсоветских государств за рубежом часто идентифицируют себя как русские. Этому способствует два обстоятельства: диаспора подразумевает поиск дополнительной психологической и утилитарной опоры в эмиграции, а опора на более широкую (15 республик бывшего Советского Союза) категорию приносит дополнительные плюсы. Второй фактор – трудность идентификации как представителя одной из стран экс-СССР из-за происхождения (смена места жительства внутри Союза, наличие корней в разных бывших республиках) или по причине непонимания со стороны местного населения, относящего к русским всех выходцев из бывшего Союза ССР.

В связи с вышеизложенным целесообразно рассматривать понятие русскоязычной диаспоры, объединяющей всех мигрантов, для которых русский язык является родным (или одним из родных, используемых в семье либо повседневном общении), а социальные, экономические или культурные связи сохраняются с Россией или отдельными группами, проживающими на ее территории.

Образовательная политика в России и Китае

В РФ образование расценивается как одна из ключевых сфер, определяющих долгосрочное социально-экономическое развитие страны, и занимает приоритетное место в системе государственных стратегий и программ. Действовавший в 2019–2024 гг. Национальный проект «Образование» предусматривал в качестве целевого ориентира вхождение Российской Федерации в десятку ведущих государств мира по качеству образования³. Достижение данной цели предполагает не только модернизацию системы образования внутри страны, улучшая его качество и доступность для российских граждан, но и требует усиления открытости внешнему миру. В этой связи интернационализация высшего образования декларируется как один из важнейших критериев результативности проводимой политики, а реализация экспортного потенциала российского высшего образования становится отдельным направлением государственной стратегии.

Переработка системы нацпроектов и запуск с 2025 г. более масштабного проекта «Молодежь и дети» глобально не изменили подходы России к развитию образовательной системы, их попросту актуализировали в соответствии с новой геополитической обстановкой и дополнили рядом новых задач. Впрочем, целевые ориентиры, указывающие на искомое место России в мировом высшем образовании

³ Национальный проект «Образование» // Национальные проекты России: [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/obrazovanie/> (дата обращения: 12.10.2025).

остались на прежнем высоком уровне⁴. Из числа федеральных проектов, вошедших в упомянутый нацпроект, непосредственное отношение к модернизации системы высшего образования относятся такие проекты, как «Россия в мире» (предусматривает привлечение иностранных студентов, ученых и специалистов), «Создание сети современных кампусов» (строительство и модернизация студенческих городков, позволяющих эффективно осваивать образовательные программы и заниматься научной деятельностью), «Университеты для поколения лидеров» (развитие научной и технологической компоненты в ведущих вузах, интеграция образования и рынка труда) и другие.

Миграция, в свою очередь, в действующих нормативно-правовых актах трактуется как один из инструментов решения демографических и экономических задач. В этом смысле принятие новой концепции миграционной политики на 2026–2030 гг.⁵ не изменило подхода к осмыслению роли миграции: она рассматривается как вспомогательный, но значимый механизм компенсации дефицита трудовых и интеллектуальных ресурсов, как средство повышения конкурентоспособности национальной экономики. В рамках такой логики образовательная миграция занимает особое место, поскольку она связана одновременно с формированием человеческого капитала, развитием научно-образовательного пространства и расширением международных контактов.

Итак, образовательная миграция представляет собой феномен, возникающий на пересечении двух крупных направлений государственного управления: политики в сфере образования и миграционной политики. Она затрагивает целый комплекс вопросов, связанных с обеспечением устойчивого социально-экономического развития, укреплением научно-технологического потенциала и формированием позитивного международного имиджа страны. Анализ образовательной миграции требует учета как количественных параметров (масштабы потоков, их динамика и структура), так и качественных характеристик (образовательные траектории, интеграция выпускников, долговременные эффекты для национальных систем высшего образования).

В настоящее время Россия обладает выраженным экспортным характером образовательной миграции: приток иностранных студентов заметно превышает масштабы выезда российских граждан на обучение за рубеж. По данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в 2024/2025 учебном году в российских образовательных организациях высшего образования обучалось около 414 тыс. иностранных студентов. В своих выступлениях представители Минобрнауки отмечают постоянный рост численности обучающихся из-за рубежа, что свидетельствует о привлекательности российского образования⁶.

⁴ Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_-_Molodezh_i_deti.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ *Имаев, Р.* В России ежегодно растет число иностранных студентов, заявили в Минобрнауки // РИА Новости : [сайт]. 07.12.2025 URL: <https://ria.ru/20251207/studenty-2060464153.html> (дата обращения: 09.12.2025).

Для сравнения: по последней доступной статистике ЮНЕСКО за 2023 г., численность граждан РФ, выехавших на обучение за пределы страны, составила около 65 389 человек⁷. Здесь следует подметить, что данные ЮНЕСКО, зачастую имеющие фрагментарный характер, являются едва ли не единственным соизмеримым источником информации по всем странам мира, а кроме того, позволяют оценить порядок величин, что достаточно на данном этапе анализа. В целом такая диспропорция свидетельствует о сформировавшейся модели, в рамках которой Россия выступает преимущественно как принимающая сторона в глобальном образовательном обмене.

Отдельно оговаривая проблему недоучета образовательных мигрантов как среди выезжающих, так и среди приезжающих, можно отметить, что расхождения между международной и национальной статистикой могут достигать значительных величин (в несколько раз). Так, в базе данных ЮНЕСКО отсутствуют сведения о численности российских студентов, обучающихся в КНР, несмотря на значительные масштабы двустороннего академического обмена. Выше уже говорилось о том, что по программам высшего образования в России и Китае обучаются 56 тыс. и 21 тыс. граждан КНР и РФ соответственно. Причем, по оценке заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т. А. Голиковой, к 2020 г. совокупный студенческий обмен между РФ и КНР уже превысил 100 тыс. человек⁸. Из них 20 тыс. приходились на российских студентов в Китае, 48 тыс. – на китайских студентов в России, а еще 35 тыс. – на участников различных краткосрочных образовательных программ. Эти данные демонстрируют, что официальная международная статистика фиксирует лишь часть реально существующих образовательных потоков.

Если опираться преимущественно на количественные показатели, можно констатировать, что Россия в целом удерживает обозначенный в стратегических документах уровень привлекательности своей системы высшего образования для иностранных граждан. По числу иностранных студентов страна стабильно входит во вторую «пятерку» мировых лидеров, следуя тем целевым индикаторам, которые были зафиксированы в программных документах по развитию экспорта образования. Важным обстоятельством является то, что серьезные внешние шоки последних лет не привели к радикальному сжатию российского образовательного экспорта, а лишь потребовали его адаптации к изменившимся условиям международного сотрудничества.

КНР, как и РФ, относится к числу стран-экспортеров высшего образования, продолжающих завоевывать свои позиции на мировом рынке. За сравнительно короткий период Китаю удалось значительно повысить количество обучающихся

⁷ Total Outbound internationally mobile tertiary students studying abroad // UNESCO : [site]. URL: <https://databrowser.uis.unesco.org/view#dicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A0E.5T8.40510&geo-Mode=countries&geoUnits=&browsePath=EDUCATION%2FUIS-EducationOPRI&time-Mode=range&view=table&chartMode=multiple&tableIndicatorId=OE.5T8.40510&chartIndicatorId=OE.5T8.40510&chartHighlightSeries=&chartHighlightEnabled=true&indicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A0E.5T8.40510> (accessed on 21.09.2025).

⁸ Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/26080/> (дата обращения: 09.12.2025).

в стране иностранцев и стать одним из мировых центров притяжения для студентов не только из географически близких азиатских стран, но и по всему миру. При этом, в отличие от российской модели, для китайской системы университетского образования экспортный компонент не оказывает столь заметного влияния: при сопоставимом количестве иностранных учащихся, общее число мест в учебных заведениях отличается кратно – свыше 47 млн студентов в КНР и около 8 млн (включая учащихся колледжей и заочную форму обучения) в России.

Характерно, что в нормативных документах КНР привлечение иностранных студентов тесно увязано с задачами формирования крупных региональных образовательных пространств и научных центров, развитием кампусов и укреплением научно-технологического сотрудничества с ведущими вузами [14]. Тем самым как минимум на институциональном уровне Китай декларирует, что образовательные мигранты являются инструментом, позволяющим развивать как систему в целом, так и отдельные университеты.

В настоящее время Китай имеет обширную договорно-правовую базу в сфере образовательной кооперации с различными странами мира. Заключено около 200 соглашений о сотрудничестве в области высшего образования (учитываются двусторонние документы, подписанные не только на межгосударственном уровне, но и с региональными интеграционными объединениями (например, АСЕАН) и международными организациями), а также примерно 50 двусторонних соглашений о взаимном признании документов об образовании и ученых степеней [11]. Наличие подобной сети соглашений создает институциональные условия для устойчивого роста образовательной мобильности и интеграции китайских университетов в мировое академическое пространство. Важно отметить, что признание диплома и возможность трудоустройства после иностранного вуза – один из ключевых факторов для молодежи при выборе учебы за рубежом [5].

Еще в 2007 г. решением XVII съезда Коммунистической партии Китая был принят рамочный программный документ, определивший стратегические направления развития системы высшего образования. Опираясь на него, в 2010 г. был утвержден десятилетний «План обучения в Китае», одним из главных целевых показателей которого стало привлечение к 2020 г. 500 тыс. иностранных студентов. Важной прикладной особенностью образовательной политики КНР является разработка плана приема иностранных студентов «снизу вверх», когда каждая провинция формирует свои целевые ориентиры, а совокупность региональных планов формирует общенациональный целевой показатель [10].

Заявленная цель была практически достигнута уже к 2018 г.: на тот момент в вузах КНР обучались 492 тыс. иностранных студентов, что на 3 тыс. было больше, чем годом ранее. При этом официальная статистика не включает обучающихся из Гонконга, Макао и Тайваня, что следует учитывать при интерпретации данных. Значительное число студентов уже имеет высшее образование и поступает, как правило, на программы магистратуры и аспирантуры либо получает вторые дипломы по другой специальности [11]. Это свидетельствует о целенаправленной ориентации китайской системы экспорта образования не только на массовый бакалавриат, но и на более высокие уровни подготовки.

Пандемия COVID-19 привела к существенной трансформации миграционных и образовательных потоков во всем мире, однако в Китае связанные с ней ограничительные меры были более жесткими и продолжительными, чем в ряде стран, в том числе и в России. В результате к 2021 г. численность иностранных студентов в КНР сократилась до 265 тыс. человек, а в 2022 г. составила 292 тыс. Таким образом, произошло не только абсолютное сокращение иностранного контингента, но и замедление темпов роста, что в китайских исследованиях прямо обозначается как один из основных вызовов интернационализации высшего образования наряду с проблемами уровня подготовки части иностранных обучающихся [12].

Китайские исследователи в своих работах выделяют ряд устойчивых проблемных аспектов реализации политики экспорта высшего образования и приема иностранных студентов.

Во-первых, подчеркивается наличие значительных культурных, языковых и иных социальных барьеров, затрудняющих адаптацию иностранных студентов в принимающем обществе. Эти трудности негативно влияют на академическую успеваемость, осложняют интеграцию, повышают риск социальной изоляции в студенческой среде. Данный фактор становится ограничением и для российского экспорта высшего образования, способы его устранения в КНР схожи с отечественными: продвижение изучения языка и культуры на территории страны происхождения мигранта (Институты Конфуция, программы подготовки учителей китайского как иностранного), расширение номенклатуры англоязычного образования.

Во-вторых, указывается на отличия системы высшего образования КНР от международных (можно утверждать, что речь идет о западных) стандартов и на институциональное отставание в разработке нормативно-правовой базы и инфраструктуры социальных услуг для иностранных студентов. Недостаточная регламентация и фрагментарность правоприменительной практики в ряде случаев ведут к возникновению таких проблем, как нелегальное трудоустройство, несоответствие реального статуса студентов миграционному режиму их пребывания, незаконное проживание и пр. [11]. В данном пункте важно упомянуть о том, что трудности с надлежащим оформлением документов испытывают и иностранные студенты в России. Опрошенные эксперты из отечественных вузов отмечают, что работа по поддержке мигрантов при получении документов занимает значительную часть функционала специалистов профильных подразделений, налицо случаи правонарушений, грозящих санкциями вплоть до депортации из страны. Решением здесь является улучшение информационной работы со студентами со стороны государственных органов и вузов. В качестве положительного момента следует сказать о том, что в России с 2020 г. наличие студенческой визы позволяет осуществлять легальную трудовую деятельность для иностранца, что как минимум облегчает условия пребывания, хотя многие иностранные студенты в РФ продолжают работать «в серой зоне», избегая налогообложения.

В-третьих, обращается внимание на сравнительно низкую долю иностранных обучающихся в ведущих университетах страны (как правило, в пределах 10–20%) по сравнению с крупными мировыми центрами притяжения международных студентов, где аналогичный показатель достигает 40–50% [15]. При этом подчеркивается, что демографическая структура и общая численность населения КНР (и число

студентов соответственно) объективно ограничивают возможности выхода Китая в мировые лидеры именно по относительному показателю доли иностранных студентов. В условиях огромного масштаба национального студенческого контингента даже значительный приток иностранцев формирует относительно невысокую долю в общей численности обучающихся. Подобная проблема не имеет значимого характера для России, где доля иностранных студентов находится на достаточно высоком уровне.

В-четвертых, фиксируется высокая степень неравномерности распределения иностранных студентов по территориям и вузам. Наиболее привлекательные для образовательных мигрантов университеты и регионы аккумулируют значительную часть потока, тогда как учреждения высшего образования в менее развитых провинциях испытывают трудности с привлечением иностранных обучающихся. Это усиливает институциональное неравенство внутри системы высшего образования, влияет на уровень интернационализации учебного процесса и ограничивает возможности развития международных академических связей в периферийных регионах. Данная проблема наблюдается и в нашей стране. Отчасти ряд проектов (например, «Создание сети современных кампусов») направлен на ее устранение. Интересным элементом китайской образовательной политики, который можно было бы заимствовать, в этом контексте является формирование плана приема иностранных студентов «снизу вверх» (т. е. с регионального уровня), о котором уже было сказано выше.

В-пятых, неравномерным остается распределение иностранных студентов по странам происхождения. Китай по-прежнему привлекает преимущественно студентов из географически и культурно близких государств, что формирует определенную региональную «замкнутость» потоков. В связи с этим некоторые исследователи указывают на то, что говорить о полном вхождении КНР в число глобальных элитных экспортеров высшего образования, сопоставимых с крупнейшими англоязычными центрами притяжения, пока затруднительно. В свою очередь Россия традиционно привлекала иностранных учащихся из стран СНГ, не определяющий, но заметный поток мигрантов прибывал из европейских стран. В последние годы геополитическая обстановка серьезно влияет на необходимость поиска новых рынков для продвижения высшего образования, и китайские стратегии могли бы стать для РФ предметом изучения и анализа относительно их эффективности и применимости.

На этом фоне представляется релевантным сопоставление подходов КНР и РФ к экспорту высшего образования и анализ их позиций на мировом рынке образовательных услуг. В обоих случаях можно выделить общие черты. Обе страны декларируют стремление войти в число ведущих принимающих государств по числу иностранных студентов. Как для России, так и для КНР значимым ограничением остаются культурно-языковые барьеры. Обе страны сохраняют выраженную региональную специфику экспорта образования: значительная часть иностранных студентов прибывает из географически, исторически и культурно близких стран, что формирует регионально ориентированный характер образовательной миграции (хотя такая тенденция и склонна меняться в последние годы).

В то же время различия в стратегиях и целевых установках носят принципиальный характер. Китай проводит относительно жесткую миграционную политику, в целом ограничивающую приток иностранцев на постоянной основе, в том числе и через образовательные каналы. Активное привлечение иностранных студентов рассматривается прежде всего как инструмент внешней политики и международного позиционирования: улучшение имиджа страны за рубежом [12], стимулирование распространения китайского языка и подготовка кадров для его преподавания [11], формирование международной элиты, знакомой с культурой и институциональной средой Китая. В более широком контексте это увязывается с задачами продвижения экономических интересов КНР, поскольку владение языком и знание институциональной специфики страны упрощают деятельность китайских компаний на внешних рынках.

В российском случае, согласно действующей нормативно-правовой базе и официальным доктринальным документам, миграция в целом, включая образовательную, признается одним из инструментов частичной компенсации демографических потерь и поддержания численности населения. В условиях вступления России во «вторую волну депопуляции» [5] привлекаемые мигранты, в том числе образовательные, призваны, среди прочего, компенсировать естественную убыль населения. Следовательно, для России образовательная миграция, помимо академических и имиджевых эффектов, приобретает выраженное демографическое и социально-экономическое измерение.

При этом значительный приток мигрантов сопряжен с определенными рисками. В исследованиях констатируется, что недостаточный уровень адаптации части мигрантов может способствовать формированию параллельных по отношению к официальным государственным структурам неформальных институтов внутри диаспорных сообществ. Само по себе существование таких структур не является однозначно негативным явлением и во многих случаях выполняет функции взаимопомощи, поддержки и самоорганизации. Однако при отсутствии эффективной интеграционной политики это может сопровождаться формированием криминализованных групп, ростом риска этнически мотивированных правонарушений и повышением нагрузки на правоохранительные органы.

Образовательные мигранты занимают особое положение и в целом демонстрируют более благоприятные интеграционные перспективы по сравнению со среднестатистическими трудовыми мигрантами. Во-первых, они попадают в относительно структурированную и понятную для них среду: продолжение обучения в вузе логично вытекает из предшествующей образовательной траектории в стране происхождения. Во-вторых, иностранные студенты изначально имеют легальный статус пребывания, что снижает риски правовой уязвимости. В-третьих, они получают институциональную поддержку со стороны образовательных организаций: во многих современных вузах действуют службы тьюторского сопровождения, кураторы иностранных студентов и другие специализированные подразделения, ориентированные на содействие их адаптации. В-четвертых, в процессе обучения у иностранных студентов есть возможность освоить язык принимающей страны и приобрести необходимые социальные и профессиональные компетенции, что к моменту окончания обучения повышает уровень их интеграции в принимающее

общество и национальный рынок труда. В результате иностранные выпускники российских вузов, как правило, оказываются лучше адаптированы к условиям жизни и требованиям рынка труда в России, чем значительная часть иных категорий мигрантов.

Роль образовательных мигрантов из России в формировании русскоязычной диаспоры в Китае

Если влияние образовательной миграции из России на китайское общество в целом и на систему высшего образования в стране вряд ли можно оценивать как значимое вследствие незначительных масштабов, то на фоне сравнительно немногочисленной русскоязычной диаспоры более 20 тыс. студентов, обучающихся в КНР, оказываются заметной частью сообщества. Их роль проявляется в первую очередь на социально-культурном и экономическом уровнях, а также в контексте расширения трансграничных связей между двумя странами.

Сама образовательная политика (как России, так и Китая) по большей части не рассматривает формирование диаспорных структур ни как самостоятельную цель, ни как побочный эффект процесса расширения взаимного студенческого обмена. Определенную роль в институционализации сообществ учащихся как диаспор играют университеты (формируют клубы изучения языка и культур, землячества, проводят тематические мероприятия) и посольства стран происхождения (осуществляют сопровождение и контроль, что приводит к некой официализации групп иностранных студентов). Иные формы создания диаспор из числа учащихся носят характер горизонтальных объединений (группы в социальных сетях, поиск временных работников для этнического бизнеса и т. п.).

Российские студенты выступают одним из наиболее динамичных сегментов русскоязычного присутствия в КНР. Масштабы академической мобильности из России в сторону китайских университетов стабильно растут на фоне расширения двусторонних государственных отношений, предоставления стипендиальных программ, межвузовского сотрудничества. В отличие от традиционных миграционных потоков (трудовая и деловая миграция), студенческая мобильность имеет организованный характер, предсказуемую продолжительность и высокую вероятность возвратности в случае Китая, который, по опросам самих студентов, не проявляет значительного интереса к сохранению выпускников у себя в стране. Это обеспечивает прозрачный правовой статус, доступ к социальным благам и инфраструктуре (кампусы, общежития, кураторские службы, ассоциации иностранных студентов), создает условия для относительно быстрой адаптации мигрантов в университетах к особенностям жизни в КНР. При этом культурные, языковые и прочие различия создают барьеры для ассимиляции российских студентов. В отличие от западных университетов, китайские не становятся «плавильным котлом», сохраняя идентичность образовательных мигрантов и позволяя им формировать местные диаспоры.

Российские студенты выполняют функцию «ядра» локальных русскоязычных сообществ. По оценкам экспертов, крупные сообщества русских эмигрантов присутствуют либо в основных агломерациях (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), либо в редких районах исторического проживания русского населения вдоль границы [2].

Компактное проживание студентов в кампусах, высокая плотность межличностных контактов и регулярное взаимодействие в учебной и внеучебной среде способствуют формированию устойчивых сетей горизонтальных связей. Вокруг них могут формироваться более широкие структуры диаспор, включающие эмигрантов и экспатов из России, выходцев из стран постсоветского пространства, представителей смешанных семей.

Российские студенты являются заметными агентами воспроизводства и поддержания русскоязычного культурного пространства. В отличие от русскоязычных эмигрантов, постоянно проживающих в Китае, академическое сообщество является самообновляемым за счет выбытия закончивших учебу и прибытия новых (поступивших в вузы), что определяет более высокую степень связи такого сообщества с Россией, актуальность представлений о жизни в нашей стране, трансляцию современных культурных и языковых норм. В данном аспекте важную роль играет и средний возраст образовательного мигранта – более молодые и активные, они эффективнее представляют российское общество в стране пребывания.

Наконец, студенческое сообщество образует важный кадровый резерв для дальнейшего развития русскоязычной экономики в КНР. Несмотря на то, что лишь небольшая часть выпускников российских вузов, завершивших обучение в китайских университетах, реализует стратегии долгосрочного пребывания в стране (трудоустраивается в китайских компаниях или представительствах российских и международных корпораций, остается в академическом секторе, переходит в предпринимательскую деятельность и т. д.), их статус квалифицированных и культурно адаптированных кадров, знакомых с языком, институциональной средой и нормами повседневной жизни в принимающей стране позволяет в дальнейшем участвовать в деятельности трансграничной экономики либо иной экономической деятельности, обусловленной российским присутствием в Китае.

Следует сказать и о том, что российские студенты вносят вклад в институциональное оформление русскоязычного присутствия – как в китайском образовательном пространстве, так и в социуме в целом. На базе университетов и в сотрудничестве с дипломатическими и культурными представительствами иницируются проекты, повышающие «видимость» и легитимность русскоязычной диаспоры. Это облегчает коммуникацию с университетами и местными властями, создает дополнительные каналы для интеграции и защиты прав русскоязычного населения в КНР.

Заключение

Российская и китайская образовательные системы имеют ряд общих черт: количественные амбиции в отношении экспортного потенциала, схожие сложности, в первую очередь касающиеся языковых ограничений, нахождение на этапе перехода от регионального центра притяжения к глобальному и пр. Отдельные элементы китайской стратегии управления образовательной миграцией могут быть эффективно имплементированы в российскую практику.

Вместе с тем политика КНР в первую очередь предусматривает возвратный характер иммиграции, в том числе и в отношении выпускников вузов. С точки зрения нормативных документов, в этом национальные подходы России и Китая

существенно различаются. Для России образовательная миграция создает потенциал притока в страну населения, обладающего более высоким уровнем интеграционного потенциала по сравнению с другими категориями приезжих. Несмотря на такой потенциал, имеющиеся ориентиры по закреплению иностранных выпускников в российской экономике остаются весьма ограниченными. Согласно целевым показателям, зафиксированным в паспорте федерального проекта «Экспорт образования», всего 5% иностранных выпускников российских вузов должны трудоустроиваться в российских организациях (в т. ч. и за рубежом). Фактические показатели, по оценке Минобрнауки РФ, несколько выше и составляют около 9%⁹. Это означает, что порядка 9 из 10 иностранных выпускников отечественных вузов после получения диплома возвращаются в страны происхождения или используют полученное образование как ресурс для продолжения образования либо для карьерной траектории в третьих странах, что в контексте снижения численности населения вряд ли можно назвать разумным.

В данной связи представляется целесообразным пересмотреть в пользу увеличения целевые показатели, гармонизировав их с ожидаемой динамикой численности экономически активного населения страны и потребностями национального рынка труда.

Мало того, важно уделять внимание этапу трудоустройства иностранных выпускников. Согласно данным мониторинга Минобрнауки, менее трети вузов России собирают информацию о карьере получивших диплом иностранцев, и лишь 22% имеют подразделение, готовое оказывать в этом содействие¹⁰. Между тем, как отмечают исследователи [5], именно этап перехода от процесса учебы, где интеграции иностранцев уделяется значительное внимание, к трудовой деятельности является одним из ключевых моментов, затрудняющих закрепление мигранта на рынке труда. Одновременно с этим молодежь из развивающихся стран указывает на упрощение трудоустройства после окончания вуза как на наиболее важный фактор, который бы позволил принять решение в пользу учебы за рубежом [5]. В качестве возможных инструментов, кроме работы на вузовском уровне, могут быть рассмотрены такие меры, как продление студенческих виз и ВНЖ на определенный срок после завершения учебы в вузе (в т. ч. на дифференцированный срок в зависимости от академических успехов и дефицитности специальности по диплому), сокращение сроков приема в гражданство для выпускников российских вузов, создание льготных условий для трудоустройства в регионах с дефицитом квалифицированных кадров, а также более активное вовлечение крупных работодателей в работу с вузами – от стажировок до внедрения профессиональных модулей в образовательные программы университетов.

При анализе китайской стратегии, с российской точки зрения, национальная политика КНР позволяет обеспечивать высокую степень возвратности среди

⁹ В Минобрнауки заявили, что около 9% выпускников-иностранцев остаются работать в России // ТАСС : [сайт]. 12.10.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18989465> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁰ Минобрнауки хочет готовить квалифицированные иностранные кадры для работы в РФ // Ведомости : [сайт]. 24.03.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2025/03/24/1099703-minobrnauki-hochet-gotovit-kvalifitsirovannie-inostrannie-kadri> (дата обращения: 09.12.2025).

образовательных мигрантов из нашей страны. В последние годы Китай стал одним из основных направлений выезда студентов на учебу за рубеж, и их готовность возвратиться с полученными навыками в Россию становится благоприятным для страны сценарием, позволяющим наращивать человеческий капитал.

В свою очередь, российские студенты в Китае выступают важным фактором как количественного расширения, так и качественного усложнения, усиления русскоязычной диаспоры. Они являются носителями культурной и языковой идентичности, кадровым резервом для развития двусторонних отношений между странами, как на государственном уровне, так и на уровне экономических субъектов. Их вклад проявляется не только в текущем состоянии русскоязычной общины, но и в формировании ее долгосрочного потенциала и социальной значимости.

Список литературы

1. Кузнецов, Н. Г. Зарубежный опыт управления образовательной эмиграцией молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). EDN [ZQHLEB](https://edn.ru/ZQHLEB).
2. Маньшин, Р. В. Миграция из России в Китай: подходы к оценке численности русскоговорящих сообществ / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева, Н. Г. Кузнецов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 6. С. 68–82. DOI [10.17213/2075-2067-2024-6-68-82](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-6-68-82). EDN [WAZWWL](https://edn.ru/WAZWWL).
3. Рязанцев, С. В. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Ректор ВУЗа. 2015. № 5. С. 38–43. EDN [VMSIVD](https://edn.ru/VMSIVD).
4. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). EDN [VNIFYR](https://edn.ru/VNIFYR).
5. Письменная, Е. Е. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов, До Хьонг Лан // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). EDN [QR TAXV](https://edn.ru/QR TAXV).
6. Ростовская, Т. К. Особенности образовательной миграции в контексте цифровизации / Т. К. Ростовская, В. И. Скоробогатова, А. С. Лукьянец // Информационное общество. 2021. № 3. С. 32–40. DOI [10.52605/16059921_2021_03_32](https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_32). EDN [NBPR TN](https://edn.ru/NBPR TN).
7. Воронина, Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 6. С. 158–183. EDN [YVAUDB](https://edn.ru/YVAUDB).
8. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education // University Management: Practice and Analysis. 2020. Vol. 24, No. 2. Pp. 145–156. DOI [10.15826/UMPA.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/UMPA.2020.02.020). EDN [ZHZCNL](https://edn.ru/ZHZCNL).
9. Рязанцев, С. В. Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Н. С. Рязанцев // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 9. С. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). EDN [QMPXRD](https://edn.ru/QMPXRD).
10. Краснова, Г. А. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов / Г. А. Краснова, А. А. Краснова // Аккредитация в образовании. 2015. № 8 (84). С. 54–57. EDN [WBZDMJ](https://edn.ru/WBZDMJ).
11. Чжан, Ч. Экспорт китайского образования: проблемы и предложения // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. Ст. 65PDMN622. 9 с.
12. Оуян, М. К стратегии по привлечению иностранных студентов в китайские вузы в течение 14-го пятилетнего плана (на примере Шанхайского политико-юридического университета) / М. Оуян, И. Чжо, И. Сюн // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 88–95. DOI [10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95). EDN [ORG MXQ](https://edn.ru/ORG MXQ).
13. Медведь, В. А. Образовательная миграция в Китай: тенденции и особенности // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 апреля 2020 г. Москва : ИД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 397–400. EDN [AQHGGZ](https://edn.ru/AQHGGZ).

14. Ma, J. International student education in China: characteristics, challenges, and future trends / J. Ma, K. Zhao // Higher Education. 2018. Vol. 76, No. 4. Pp. 735–751. DOI [10.1007/s10734-018-0235-4](https://doi.org/10.1007/s10734-018-0235-4).
15. Yang, P. Student Mobility to China: An Overview / P. Yang, N. Lu, J. Yin // Handbook on Migration to China. 2025. Chapter 7. DOI [10.4337/9781035332700.00014](https://doi.org/10.4337/9781035332700.00014).
16. Li, T. How Does the “Belt and Road” Initiative Affect International Student Mobility to China? / T. Li, J. Pan, X. Zong // Journal of Studies in International Education. 2025. Vol. 30, No. 1. Pp. 100–119. DOI [10.1177/10283153251350015](https://doi.org/10.1177/10283153251350015).
17. Tian, L. Inward student mobility in China: A reappraisal of the common good contributions and the inherent challenges / L. Tian, L. Yang // International Journal of Educational Research. 2024. Vol. 128. Article 102471. DOI [10.1016/j.ijer.2024.102471](https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102471).
18. Хуан, Ч. От приоритета к разнообразию: перспективы образовательного сотрудничества китайских и российских региональных университетов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1 (209). С. 95–100. DOI [10.18522/2687-0770-2021-1-95-100](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-95-100). EDN [PICSNH](https://www.edn.ru/PICSNH).
19. Grebeniyk, A. The Impact of Labor Migration on Human Capital Development / A. Grebeniyk, I. Aleshkovski, A. Maksimova // Migraciones internacionales. 2021. Vol. 12. Article 2190. DOI [10.33679/rmi.v1i1.2190](https://doi.org/10.33679/rmi.v1i1.2190).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по гранту РФФИ № 22-68-00210 «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Сведения об авторе

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); РИНЦ SPIN-код: [3607-6385](https://elibrary.ru/3607-6385).

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; принята в печать 24.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EDUCATIONAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN- SPEAKING DIASPORA

Nikita G. Kuznetsov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Kuznetsov, N. G. Educational Policy of Russia and China in the Context of the Formation of the Russian-Speaking Diaspora. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 196–214. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12). (In Russ.)

Abstract. Student migration is an important factor that positively influences the development of higher education systems in countries, and for some countries, such as the Russian Federation and China, it has become a tool to address socioeconomic and demographic challenges. Both Russia and China have policies aimed at attracting international students, making them among the leading countries in the world in terms of number of international students. Factors such as China's large higher education system, geographic proximity, economic ties, and growing global role of its economy, as well as demand for Chinese-language specialists, drive the increase in student numbers, including those from Russia. This paper analyzes the approaches of Russia and China to managing student migration, assesses their effectiveness, and compares them with higher education plans. It also highlights similarities between the two countries and their positions

as exporters of higher education. Recommendations are made for Russia to retain graduates within the country. Additionally, the paper focuses on a new aspect of relations between Russia and China - the formation of Russian-speaking communities of young people studying in China.

Keywords: educational migration, international students, China, Russia, internationalization of higher education, academic mobility, diaspora, Russian-speaking population

References

1. Kuznetsov, N. G. Foreign Experience in Managing Educational Emigration of Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). (In Russ.).
2. Manshin, R. V., Moiseeva, E. M., Kuznetsov, N. G. Migration from Russia to China: Approaches to Assessing the Size of Russian-Speaking Communities. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences* 2024. Vol. 17, No. 6. Pp. 68–82. DOI [10.17213/2075-2067-2024-6-68-82](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-6-68-82). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E. Vliyaniye obrazovatel'noy migratsii na ekonomicheskoye razvitiye Rossiyskoy Federatsii [The impact of educational migration on the economic development of the Russian Federation]. *Rektor VUZa [University Rector]*. 2015. No. 5. Pp. 38–43. (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sociological Research*. 2019. No. 9. Pp. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). (In Russ.).
5. Pismennaya, E. E. Russia in the Educational Services Market of Southeast Asia: Opportunities and Prospects / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, N. G. Kuznetsov, Do Huong Lan. *Management Issues*. 2022. No. 3 (76). P. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). (In Russ.).
6. Rostovskaya, T. K., Skrobogatova, V. I., Lukyanets, A. S. Educational Migration in the Context of Digitalization: Russian and Foreign Experience. *Information Society*. 2021. No. 3. Pp. 32–40. DOI [10.52605/16059921_2021_03_32](https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_32). (In Russ.).
7. Voronina, N. A. Intellectual Migration: Foreign and Russian Experience of Management. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018. Vol. 13, No 6. Pp. 158–183. (In Russ.).
8. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2020. Vol. 24, No. 2. Pp. 145–156. DOI [10.15826/UMPA.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/UMPA.2020.02.020).
9. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Ryazantsev, N. S. Japanese Model of Attracting Foreign Youth in the Higher Education System. *The Education and Science Journal*. 2020. Vol. 22, No. 9. Pp. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). (In Russ.).
10. Krasnova, G. A., Krasnova, A. A. Strategiya Kitaya po privlecheniyu inostrannykh studentov [China's Strategy to Attract International Students]. *Akkreditatsiya v obrazovanii [Accreditation in Education]*. 2015. No. 8 (84). Pp. 54–57. (In Russ.).
11. Zhang, Ch. Export of Chinese education: problems and proposals. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2022. Vol. 10, No. 6. Article 65PDMN622. 9 p. (In Russ.).
12. Ouyang, M., Zhou, Yi, Xiong, Y. How to Improve the Attractiveness of Chinese Universities to International Students During the “14th Five-Year Plan” Period (Take Shanghai University of Political Science and Law as an Example. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12, No. 2. Pp. 88–95. DOI [10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95). (In Russ.).
13. Medved, V. A. Obrazovatel'naya migratsiya v Kitay: tendentsii i osobennosti [Educational migration to China: trends and features]. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nyye proyekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitiit molodezhi [State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth]: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, April 20–21, 2020*. Moscow : Publishing House “PERSPEKTIVA”, 2020. Pp. 397–400. (In Russ.).
14. Ma, J., Zhao, K. International Student Education in China: Characteristics, Challenges, and Future Trends. *Higher Education*. 2018. Vol. 76, No. 4. Pp. 735–751. DOI [10.1007/s10734-018-0235-4](https://doi.org/10.1007/s10734-018-0235-4).
15. Yang, P., Lu, N., Yin, J. Student Mobility to China: An Overview. *Handbook on Migration to China*. 2025. Chapter 7. DOI [10.4337/9781035332700.00014](https://doi.org/10.4337/9781035332700.00014).
16. Li, T., Pan, J., Zong, X. How Does the “Belt and Road” Initiative Affect International Student Mobility to China? *Journal of Studies in International Education*. 2025. Vol. 30, No. 1. Pp. 100–119. DOI [10.1177/10283153251350015](https://doi.org/10.1177/10283153251350015).
17. Tian, L., Yang, L. Inward Student Mobility in China: A Reappraisal of the Common Good Contributions and the Inherent Challenges. *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 128. Article 102471. DOI [10.1016/j.ijer.2024.102471](https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102471).

18. Huang, Zh. From Priority to Diversity: Prospect of Educational Cooperation for Chinese and Russian Regional Universities. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. No. 1 (209). Pp. 95–100. DOI [10.18522/2687-0770-2021-1-95-100](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-95-100). (In Russ.).

19. Grebeniyk, A., Aleshkovski, I., Maksimova, A. The Impact of Labor Migration on Human Capital Development. *Migraciones internacionales*. 2021. Vol. 12. Article 2190. DOI [10.33679/rmi.v1i1.2190](https://doi.org/10.33679/rmi.v1i1.2190).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation [No. 22-68-00210](#) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges”.

Bio note

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI SPIN-code: [3607-6385](#).

Received on 25.12.2025; accepted for publication on 24.02.2025.

The author has read and approved the final manuscript.